

*В тени дерев, над чистыми водами
Дерновый холм вы видите ль, друзья?
Чуть слышно там плескает в брег струя;
Чуть ветерок там дышит меж листьями;
На ветвях лира и венец.
Увы! Друзья, сей холм – могила;
Здесь прах певца земля сокрыла.*

В.А. Жуковский

IN MEMORIAM ВИКТОР ГЕЙНЦ

Не стало Виктора Гейнца. Ушел из жизни большой художник, блестяще образованный и феноменально начитанный ученый-германист, вдумчивый педагог и журналист, талантливый поэт и писатель, который еще в бывшем СССР проявил себя во всех важнейших литературных жанрах, которого мы знали и ценили как тонкого лирика, увлекательного рассказчика, захватывающего драматурга, заботливого отца и верного друга.

Скромность была, пожалуй, главной чертой его характера. Он никогда не лез на трибуну, не бил себя кулаком в грудь, не топал ногами. Любая фальшь, вычурность, показуха вызывали в нем отвращение. Зазнаек, выскочек и хамелеонов он не терпел, но на баррикады не лез, „революционером“ не был. Любовь к родному народу, к родному языку он носил в своей душе, в своем сердце. Это был его штандпункт, его кредо, его жизнь, хотя он это никогда не декларировал. Будь то стихи из выпущенных еще в СССР сборников „Lebensspuren“ и „Schritte des Jahrhunderts“ или рассказы из „Regen im Juni“ и „Herbstwind“, не говоря уже о романе „In der Sackgasse“ и театральной трилогии „Auf den Wogen der Jahrhunderte“ (На волнах столетий), произведения Виктора читаются так, будто его трогательная привязанность и верность родному языку были в незабвенном СССР чем-то самим собой разумеющимся, будто поэт никогда не чувствовал удушающего захвата цензуры и свободно мог осуществлять свои творческие замыслы. Это впечатление обманчиво. Вузовский преподаватель в Омске и Петропавловске, а затем журналист в Целинограде и Алма-Ате, он испытал это на себе в полной мере. Произведения, опубликованные им после переезда в Германию, подтверждают это:

*О, как ленив песок
В песочных злых часах!
Как долго мы терпели
тот гипноз,
который заставлял
мириться с ложью,
с насилием
и жизнью гробовой,
где светлый путь
кончался бездорожьем,
где тараканы
правили судьбой.
А тараканий вождь
ноздрю раздует,
подкрутит,
ощетинит черный ус,
и вот еще один народ*

*не существует –
стал посвободней
сталинский Союз.
Прошло уж полстолетья,
как Фемида
мне положила
меч возмездья
в колыбель.
Зазубрины на нем –
глубокие обиды.*

Пер. с немецкого Р. Вебера

Названных „тараканов“ мы, к сожалению, привезли с собой в своих чемоданах достаточно. Верные своей натуре, они с необычайной скоростью расплодись и здесь. И уже опять входят в роль. Опять „вступают в партию“, поучают, наставляют, пытаются вести в „светлое будущее“. А что касается прошлого, то все, дескать, под серпом и молотом ходили, чего-уж там... Ходили-то все, но не все продавались за тридцать сребреников, не получали липовые степени, звания и премии, не пытались танцевать на двух свадьбах, не лизоблюдничали. Виктор Гейнц в партийном билете не нуждался, премий не получал, почетных званий не имел. В его произведениях нет места ни „родному Ильичу“, ни „родной партии“, не говоря уже об „отце народов“. Таких не награждали. Он был певцом в смысле Гёте:

*Die goldne Kette gib mir nicht,
die Kette gib den Rittern,
vor deren kühnem Angesicht
der Feinde Lanzen splintern;
gib sie dem Kanzler, den du hast
und lass ihn noch die goldne Last
zu andern Lasten tragen.*

*...das Lied, das aus der Kehle dringt,
ist Lohn, der reichlich lohnet.*

Виктор Гейнц родился и вырос в Сибири, в немецком селе Новоскатовка (Schöntal), основанному в начале прошлого века переселенцами из Поволжья, к которому сохранил трогательную привязанность до конца своей жизни. И уже в раннем детстве он проникся искренним сочувствием к депортированным немцам Поволжья, вышвырнутым по воле кремлевских садистов в Сибирь из родных мест без всяких средств к существованию. И эти воспоминания детства отразились в его творчестве:

*„Мы - сибиряки“, -
поясняет бабушка,-
„А рассеяне –
они с Волги“.
Неужели там живут
одни нищие и бродяги?
Почему у них нет дома
И им нечего есть?
Они живут в наших летних кухнях
или в наших сараях.
Они сидят за нашими столами*

*и говорят на нашем языке.
Они говорят мало,
но два слова произносят все:
война и выселение.
Затем они берут лопаты
и копают ямы –
кто на окраине села,
кто на кладбище.
Они строят землянки...
Пер. с немецкого Р. Вебера*

Потомок этих несчастных изгоев, этих парий общества, я вспомнил на могиле учителя и друга не только приведенный отрывок из его стихотворения „Из далекого детства“, но и переведенное им на немецкий язык по моей просьбе стихотворение Э. Губера, которое последний написал на смерть А.С. Пушкина:

*Ich sah den Sarg, der voller Trauer,
Ich sah sein blasses Angesicht.
Ich neigte mich mit kaltem Schauer
Und weinte, weinte bitterlich...*

Надо ли говорить о том, что в день похорон Виктора Гейнца все, кому он был дорог, кто приехал проводить его в последний путь, испытывали сходные чувства? В памяти его близких, друзей и учеников, всех, кто знал и ценил его творчество, он навсегда останется человеком, который был необычайно внимательным к людям и всегда был готов прийти на помощь. И пока мы живы, тропа к его могиле не зарастет.

Д-р Роберт Корн